

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируются направленность и характер изменений в системе налогообложения крестьянского хозяйства в 1921–1924 гг. Обосновывается вывод об ускоренном росте налогового бремени в первые годы нэпа как важнейшем факторе усиления и радикализации протестных настроений среди населения подмосковной деревни к середине 1920-х гг.

Ключевые слова: нэп, аграрная политика, налогообложение, крестьянское хозяйство, Московская губерния.

Необходимость радикального пересмотра советской экономической политики в начале 1920-х гг. неизбежно требовала отказа от разверсточных принципов обложения крестьянского хозяйства, ставших основой военно-коммунистического режима и полностью изживших себя к этому времени. Решение X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом», принятое 15 марта 1921 г., ознаменовало принципиальный поворот в аграрном курсе новой власти. Однако в процессе его дальнейшей разработки и воплощения продолжалось достаточно острое противоборство между различными силами внутри партии и в государственных органах по вопросам установления размеров налога, его структуры, принципов обложения, прогрессии, оптимальных сроков сбора и др. Определяющее влияние на выбор приоритетов оказывала конкретная экономическая и социально-политическая обстановка в деревне.

Очевидные экономические преимущества натурального налога перед продразверсткой отодвигали на второй план многие несовершенства формировавшейся налоговой системы, в значительной степени отягощенной элементами военно-коммунистического подхода к решению продовольственного вопроса. Ограничение размеров налогового задания, обложение каждого отдельного хозяйства вместо круговой поруки, определение размеров оплаты по внешним признакам (размерам пахотной площади, количеству скота, числу едоков и урожайности) давали крестьянам стимул к активизации хозяйственной

¹ Ковалев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, dmitrijkovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.

деятельности. Отныне они твердо знали, что повышение ее доходности вследствие улучшенной обработки земли или расширения посева не приведет к резкому увеличению налогового бремени. В то же время дальнейшая конкретизация намеченных принципов и решение организационно-технических вопросов зачастую складывались не в пользу мужаика.

Инерция военно-коммунистических начал в разработке налоговой системы проявилась вполне определенно, тем более, что непосредственное практическое воплощение ее возлагалось, главным образом, на плечи старого продовольственного аппарата, отточившего методы работы в условиях «чрезвычайщины». В этом отношении переход к продналогу в Подмоскowie характеризовался, пожалуй, особой противоречивостью. Фактор прямого взаимодействия с Москвой как столичным центром обусловил более строгий контроль со стороны центральных органов за губернскими властями, стремившимися, в свою очередь, не допускать «излишнего либерализма» в аграрной политике. Поэтому необоснованная оценка реальных возможностей крестьянского хозяйства, игнорирование их в ходе определения тяжести налогообложения стали для губернии характерным явлением на начальном этапе нэпа.

Вопреки главному тезису официальной пропаганды, декларировавшему значительное понижение величины налога относительно продразверстки предшествующего года, в столичном регионе наметилась прямо противоположная тенденция. По основным видам сельхозпродукции размер налогового задания более, чем вдвое превзошел разверстку 1920/21 г. При этом налог на «продовольственные хлеба» (рожь) превысил соответствующую норму по разверстке в 2,6 раза, несмотря на то, что производство ржи в губернии даже наполовину не покрывало потребностей самого крестьянина. По другим видам сельхозпродукции намеченный объем продналога также оказался намного больше прошлогодней разверстки.

	Продразверстка 1920/21 гг. (тыс. пуд.)	Натуральный налог 1921/22 гг. (тыс. пуд.)	Удельный вес в общей структуре натурального налога (%)
Рожь	120	315	34
Овес	200	413	15
Картофель	2 400	3 786	28

Источники: РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 375. Л. 8; Ф. 478. Оп. 1. Д. 375. Л. 8; [7, с. 276–277]; Продовольственная газета. 1922. 16 мая.

Как следует из приведенных выше данных, совокупная доля указанных культур в составе налогообложения крестьянского сельского хозяйства в Московской губернии достигла 77 %. Поэтому значительное превышение суммы налога по ним в сравнении с продразверсткой

явилось определяющим с точки зрения тяжести государственных поборо́в, возлагаемых на крестьянское население Подмоскoвья. Подобная противоречивость налоговой политики была подвергнута критике на состоявшемся в начале июля 1921 г. III губернском съезде советов. Один из делегатов, в частности, заявил: «Мы не можем стать на тот путь, что у нас продналог явится гораздо большим бременем, чем продразверстка»². Однако возражения, прозвучавшие на съезде, не изменили ситуации. Напротив, расширение посевных площадей в регионе и сравнительно высокая урожайность на фоне критической ситуации с продовольствием по всей России из-за засухи в хлебопроизводящих губерниях послужили основанием для дальнейшего увеличения ранее установленных для Подмоскoвья норм налогового задания. К началу продналоговой кампании 1921 г. Московский губпродком повысил его по ржи – до 352 тыс. пуд., овсу – 414 тыс., картофелю – 3 805 тыс.³ Непосредственно в процессе сбора продовольственного налога были также пересмотрены и эквиваленты замены одних продуктов другими. Так, один пуд ржи Моспродкомом приравнивался не к четырем, как определялось декретом СНК от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена», а к шести пудам картофеля⁴. В условиях сокращения посевов под ним почти на 40 % указанный эквивалент по существу увеличивал налог настолько, что подмоскoвное крестьянство предпочло сдать в счет налога по картофелю 470 тыс. пуд. ржи, производство которой, как отмечалось выше, далеко не обеспечивало и его собственные потребности⁵.

Таким образом, провозглашенные принципы перехода к продналогу в столичном регионе при проведении первой продналоговой кампании не были реализованы. В количественном отношении налог здесь оказался гораздо большим бременем для крестьянина, нежели продразверстка. Целый ряд корректив, внесенных в него не только в подготовительный период, но и уже на стадии выполнения, не давал возможности крестьянину до проведения посевой выявить точный объем продукции, сдаваемой государству по налогу. Тем не менее, общий позитивный смысл изменений в аграрной политике, связанных с переходом от продразверстки к натуральному налогу, был очевиден для крестьянства. Ограничивая государственное вмешательство в производственную деятельность взиманием, хотя и условно, но фиксированного налога и расширяя тем самым сферу его хозяйственной само-

² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 19. Д. 99. Л. 243.

³ Там же. Д. 100. Л. 532.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 38. Ст. 204; Коммунистический труд (Москва). 1922. 6 янв.

⁵ См.: Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии. 1927 г. М., 1928. С. 112; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 19. Д. 100. Л. 532.

стоятельности, они открывали сельхозпроизводителю реальную перспективу экономического роста.

На этом фоне затруднения в ходе продналоговой кампании 1921 г. воспринимались основной массой крестьянского населения как временные и обусловленные, прежде всего, послевоенной разрухой и бедственным продовольственным положением в стране. Поэтому, стремясь не провоцировать государство на возврат к чрезвычайной политике, подмосковная деревня прилагала большие усилия для выполнения налога, чему также в немалой степени благоприятствовал хороший урожай. К началу следующего года было собрано 93,4 % общей суммы налогового задания, определенного для губернии⁶, что в сравнении с результативностью вдвое меньшей продрозверстки явно обнадеживало. Красноречивым свидетельством перелома в настроениях крестьянства явилось и то обстоятельство, что Московская губерния стала единственным регионом, где при взимании продналога 1921/22 г. не проводилось выездных сессий Ревтрибунала и не применялись военные постой⁷.

В то же время опыт первого года работы заострил внимание продорганов на серьезных недостатках системы налогообложения крестьянства, главным из которых стали множественность налогов и большой разброс во времени их введения. Перечень видов сельхозпродукции, сдаваемой по налогу в 1921/22 г., насчитывал от 13 до 18 (в зависимости от региональных особенностей хозяйствования) наименований. Для Московской губернии устанавливались натуральные налоги на рожь, овес, картофель, масличные семена, сено, молочные продукты, яйца, волокно, шерсть, овощи, мед, птицу и пушнину⁸. Соответствующие распоряжения издавались с весны до осени. Так, 28 марта 1921 г. было опубликовано постановление Совнаркома о натурналоге на хлеб, 21 апреля – на картофель и масличные семена, затем – на молочные продукты, 10 мая – на льняное и пеньковое волокно, 11 мая – на шерсть и табак, 12 мая – на сено, 31 мая – на мясо, 3 июня – на продукты пчеловодства и т.д. Последний налог – на домашнюю птицу – был принят 15 сентября 1921 г. Кроме того, согласно декрету, точный размер натурналога с каждого крестьянского хозяйства устанавливался «по урожайности в данной местности», которую можно было определить лишь летом, то есть уже после проведения посевной. Все это делало предварительные расчеты налога с каждого конкретного хозяйства более чем условными. Поэтому при разработке государственно-хозяйственными органами проекта продналога на следующий заготовительный год ключевыми проблемами стали унификация обложения и своевременность уведомления плательщиков о его размерах.

⁶ Коммунистический труд. 1922. 6 янв.

⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 633. Л. 51.

⁸ Налоги. М., 1927. С. 40.

Согласно декрету ВЦИК и СНК «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922–23 гг.» от 17 марта 1922 г., вместо множества натуральных ставок устанавливался один, предполагавший единство окладного листа, платежных периодов и общую единицу исчисления — пуд ржи. Эквивалент замены его другими продуктами вырабатывался местными продовольственными комитетами совместно со статистическими и земельными органами. Они же определяли и коэффициент перевода сенокосной земли и продуктивного скота в десятину пашни, не допуская при этом уменьшения суммы налога, установленного для той или иной местности⁹.

В Подмосковье натуралог на сельхозпродукты 1922/23 г. оказался в два с лишним раза больше прошлогоднего: предполагалось собрать всей продукции в переводе на хлебные единицы (пуды ржи) 2812 тыс., тогда как год назад — 1392 тыс. пудов¹⁰. Однако, несмотря на столь резкое повышение налогового задания, заготовительная кампания в губернии проходила довольно успешно и была завершена уже к 1 октября 1922 г., т.е. значительно раньше, нежели в других регионах¹¹. Безусловно, этому во многом способствовало упрощение системы налогообложения. Немалую роль сыграло и постановление ВЦИК о 10%-ной скидке для хозяйств, уплативших налог в назначенный срок. Но главной причиной, обусловившей успех второй налоговой кампании в подмосковной деревне, явился необычайно быстрый экономический подъем, который она в отличие от других регионов России переживала уже в первые годы нэпа (почти 40-процентный рост посевных площадей, наивысшая по стране урожайность зерновых, восстановление и даже превышение довоенного поголовья скота и др.). Это позволило крестьянам без чрезмерного напряжения сил справиться с налоговым заданием.

Между тем, уровень налогообложения в столичной губернии был достаточно высок. В среднем на одно хозяйство продналог здесь составлял приблизительно 10 % валового производства сельхозпродукции или около 8 руб. 60 коп. (в золотых рублях), что не являлось чрезмерным бременем для производителя. Однако с учетом хозяйственных затрат, поглощавших до половины валового продукта крестьян, и такая сумма отнюдь не была символической, оставляя в их распоряжении чуть более 40 % условно чистого дохода, то есть около 35 руб., или 7 руб. на душу¹². Этого едва хватало, чтобы обеспечить продовольственные нужды самой семьи, заставляя ее «отказываться от части хозяйственных расходов» в пользу потребления, на что обоснованно указывал Л.Н. Литошенко [4, с. 494].

⁹ СУ РСФСР. 1922. № 25. Ст. 284.

¹⁰ Рассчитано: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 827. Л. 46; Оп. 1. Д. 680. Л. 89.

¹¹ Налоги. С. 43.

¹² Рассчитано: Московская деревня. 1923. 21 марта.

Однако помимо продналога, крестьянин вносил еще целый ряд платежей. В частности, губфинотделом взимались подворно-поимущественный и общегражданский налоги, органами Наркомтруда — трудгужналог. Последний являлся наиболее обременительным для деревни, отвлечая и работника, и лошадь, хотя и выполнялся, главным образом, в свободное от сельхозработ время¹³. Не случайно, крестьяне Сергиевской волости Волоколамского уезда едко нарекли этот вид государственной повинности «красной барщиной»¹⁴. Впрочем, натуральные отработки также могли быть заменены компенсацией в денежной форме «соответственно рыночной стоимости установленной нормы работы в том районе, где происходит замена»¹⁵. В среднем на один крестьянский двор в Московской губернии по налогообложению 1922 г. приходилось (в переводе на золотой рубль):

Продналога	8 руб. 60 коп.
трудгужналога (в денежном эквиваленте)	6 руб. 70 коп.
подворно-поимущественного налога	1 руб. 40 коп.
общегражданского налога	11 коп.

Всего

16 руб. 81 коп.

Источники: Московская деревня. 1923. 21 марта; Коммунистический труд (Москва). 1922. 14 янв.

Кроме этого, исполкомами местных советов вводились всевозможные местные сборы (школьный, больничный и др.), которыми крестьян, по их словам, «просто задергали». «После уборки полей, — вспоминал один из земледельцев Волоколамского уезда о 1921–1922 гг., — бывало, сразу свезешь продналог, а затем не успеваешь просто поворачиваться: трехфунтовый сбор Помгола, яичный налог, масляничный налог, подворно-поимущественный налог, гражданский налог, трудгужналог, страхование посева, страхование строений, а затем производили сборы для больницы, для постройки ветеринарного пункта, для школы... просто беда — задушили» [3, с. 40–41].

В совокупности все налоговые платежи забирали не менее восьмой части доходов крестьянина, получаемых от сельского хозяйства¹⁶. При-

¹³ Из шести трудодней на каждого «трудообязанного» и такого же числа «конедней», приходившихся на единицу рабочего скота, три (половина годового задания) — предписывалось отработать до начала посевной (с января по март), два — по завершении уборки урожая (с октября по декабрь) и лишь один — в сезон сельхозработ (с апреля по сентябрь) (СУ РСФСР. 1921. № 79. Ст. 665).

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 106. Л. 143.

¹⁵ СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 696.

¹⁶ Московская деревня. 1923. 21 марта.

чем, главная тяжесть налогообложения ложилась на плечи той части сельского населения, которая в основном занималась сельским хозяйством, поскольку увеличение ставок по главным налогам (продовольственный и трудгужповинность) определялось размерами землепользования и количеством скота.

В отличие от губпродкома, располагавшего сильным налоговым аппаратом, сформировавшимся, по сути, еще со времен «военного коммунизма», Губфинотделы и губернские отделы труда были плохо приспособлены к налоговой работе в деревне и налаживали ее с большим трудом. К тому же действия всех трех ведомств были слабо скоординированы между собой и если продналоговая кампания в целом проходила достаточно благополучно, то сбор поимущественного и общегражданского налогов, а также выполнение трудгужповинности не соответствовали государственному заданию. Это обстоятельство во многом предопределило дальнейшую унификацию налогообложения крестьянства.

С 1923 г. вместо четырех основных налогов в деревне декретом ВЦИК от 10 мая вводится единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), взимание которого предполагало и соответствующую реорганизацию фискальной системы. Отдел труда ликвидировал свою налоговую часть, Московский губпродком с 1 мая прекратил существование как самостоятельное учреждение и вошел в структуру Мосфинотдела в качестве Особой части по сбору ЕСХН. Таким образом, в губернии остался только один налоговый аппарат — Московского финансового отдела.

Слияние аппарата продорганов с финансовым диктовалось также и задачами денатурализации налоговых сборов. Частичный переход от натуральной формы налога к денежной был предпринят в губернии еще в ходе продналоговой кампании 1922/23 г., когда 24,4 % общей суммы было уплачено облигациями Первого хлебного займа. Помимо этого, еще на 300 пудов было внесено в порядке исключения деньгами. Но в 1923/24 г. деньги и облигации уже принимались в неограниченном количестве, а натуральная часть налога лимитировалась определенным процентом к его общему размеру по каждому хозяйству. По отдельным уездам этот процент менялся в зависимости от распространения неземледельческих заработков среди крестьян. В четырех уездах: Московском, Богородском, Егорьевском и Орехово-Зуевском продукты в счет налога не принимались совсем. Всего по губернии за год поступило натурой только 1,2 % налога, остальная часть — в денежной форме (11,8 %) и облигациях Второго хлебного займа (86,6 %) ¹⁷.

Общая сумма ЕСХН, установленная для Московской губернии после объединения перечисленных выше налоговых платежей, возросла по сравнению с натуральным налогом 1922/23 г. почти на треть и составила в зерновом эквиваленте 4 200 тыс. пудов, что соответствующим образом сказалось и на увеличении ставки налогообложения. Так, если

¹⁷ Налоги. С. 48.

по продналогу 1922/23 г. в среднем на одну крестьянскую душу в губернии приходилось 1 руб. 65 коп., то по единому сельхозналогу 1923/24 г. — около трех рублей¹⁸.

В принципах обложения и способе исчисления налога каких-либо существенных изменений не произошло: душевой размер пахотно-сенокосной земли по-прежнему оставался определяющим критерием группировки крестьянских хозяйств в таблице налоговых ставок. В то же время следует отметить, что с 1923 г. из обложения был исключен мелкий скот, а также весь молодняк. Но наряду с крупным рогатым теперь учитывался и взрослый рабочий скот, с которым ранее было связано распределение трудгужповинности. Кроме того, вводился ряд льгот для экономически слабых категорий крестьянства, семей красноармейцев и хозяйств, применяющих улучшенные способы земледелия и производящих значительные агрокультурные преобразования.

Тяжесть ЕСХН для подмосковного крестьянства, хотя и была достаточно велика, но с учетом отмены трудгужповинности, подворно-поимущественного и общегражданского налогов она отнюдь не являлась непосильной. Налоговые ставки в столичной губернии по своей величине заметно уступали среднероссийским, и в процентном отношении к валовому сбору сельхозналог здесь оставался значительно ниже, чем в других губерниях¹⁹. Такое положение объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, налоговые органы стремились более или менее адекватно учесть невысокую доходность сельского хозяйства, характерную для большинства районов Подмосковья. Кроме того, установив относительно высокий размер натурального налога в 1921 и 1922 гг., власти опасались форсировать его увеличение в 1923 г., дабы избежать осложнения политической ситуации в деревне столичного региона. Наконец, в момент определения величины сельхозналога на 1923/24 г. виды на урожай в губернии были неудовлетворительными из-за дождливого лета, однако улучшение погоды в дальнейшем позволило собрать урожай «не ниже общесоюзного», что значительно облегчило положение плательщиков²⁰. Недобор составил всего 3,2 %²¹.

Дальнейшая работа по совершенствованию системы обложения ЕСХН была, прежде всего, связана с решением задач стабилизации денежного обращения в стране. В частности, завершение финансовой реформы и переход к новой валюте (червонцу) делали необходимой полную и окончательную денатурализацию налоговой системы. Поэтому с 1924 г. и сельскохозяйственный налог принимался уже исключительно в денежной форме или облигациях Крестьянского займа, выразившегося в золотых рублях, а не в хлебных единицах. Соот-

¹⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 27. Д. 3. Л. 6; Московская деревня. 1923. 21 марта.

¹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 10; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 578. Л. 6.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 10.

²¹ Рассчитано: Налоги. С. 55; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 26.

ветственно, ставки нового налога устанавливались не в пудах ржи, а непосредственно в рублях и копейках. Вместо разрядов урожайности, согласно новой системе исчисления налога, вводились разряды доходности одной десятины пашни по каждому уезду, волости, а в отдельных случаях — и селениям.

Были внесены принципиальные усовершенствования и в методику расчета налоговых ставок. Как отмечалось выше, до 1924 г. налогообложение крестьянства строилось на основе так называемой «ступенчатой шкалы», в соответствии с которой крестьянские хозяйства при составлении таблицы налоговых ставок группировались по количеству пахотно-сенокосной земли, приходящейся на одного едока. При такой системе малейшее превышение величины землеобеспеченности, установленной для той или иной группы, приводило к резкому скачку налоговой ставки, по которой облагался не только излишек, но и остальные угодья. В результате хозяйство, имевшее самое незначительное количество земли сверх определенной нормы, должно было вносить налог втрое больший, нежели при отсутствии этого излишка. Описанную ситуацию в деревне называли «мертвой петлей». Про крестьянина, оказавшегося в таком положении, говорили: «попал в петлю»²². С 1924 г. вместо «ступенчатой» была введена «скользящая» прогрессия, предполагавшая последовательное прогрессивное обложение каждой отдельной десятины на едока, а число групп по количеству земли сокращалось с десяти до трех: меньшей, средней и высшей.

В целом, новая таблица ставок налогообложения для Московской губернии приобрела следующий вид:

Разряды обложения	Обложение первой четверти дес. на едока	Обложение излишка сверх четверти до 1 дес. на едока	Обложение излишка сверх 1 дес. на едока
I	70 к.	2 р. 10 к.	3 р. 50 к.
II	80 к.	2 р. 40 к.	4 р. 10 к.
III	90 к.	2 р. 80 к.	4 р. 70 к.
IV	1 р. 00 к.	3 р. 20 к.	5 р. 40 к.
V	1 р. 20 к.	3 р. 70 к.	6 р. 20 к.
VI	1 р. 40 к.	4 р. 20 к.	7 р. 10 к.
VII	1 р. 60 к.	4 р. 90 к.	8 р. 20 к.
VIII	1 р. 80 к.	5 р. 60 к.	9 р. 40 к.
IX	2 р. 10 к.	6 р. 50 к.	10 р. 30 к.

Источники: [2, с. 36]; Памятка крестьянину Московской губернии по Единному сельскохозяйственному налогу на 1924–25 год и Крестьянскому займу. М., 1924. С. 13.

Данный принцип исчисления сельскохозяйственного налога был разработан и предложен Учетно-статистическим отделом Московско-

²² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 633. Л. 16.

го губпродкома еще весной 1922 г.²³, но не получил одобрения центральных органов и, прежде всего, Наркомпрода, где посчитали, что его реализация на практике приведет к уменьшению общей суммы налога. Кроме того, в период становления налоговой системы проблема выравнивания прогрессии была хотя важной, но отнюдь не главной, а ее решение усложнялось множеством технических трудностей, обусловленных натуральной формой налогообложения. Поэтому инициатива Моспродкома получила практическое воплощение только в 1924 г.

Вместе с тем, общий размер налогового задания Московской губернии вновь был значительно увеличен и достиг 5325,88 тыс. рублей, что почти на треть превысило сумму сельхозналога 1923/24 г. в денежном выражении²⁴. Главной причиной этого, как следовало из официальных разъяснений, стала замена местных налогов с крестьянского населения 25-процентной надбавкой к государственному окладу с последующим отчислением ее в местный бюджет. В действительности, по своей величине она намного превзошла отмененные местные платежи, удельный вес которых в общем объеме налогов, взимаемых с крестьянства, не превышал одной десятой части.

Усиление налогового бремени было обусловлено, прежде всего, решительными мерами властей по сокращению в 1924 г. бюджетного дефицита, в результате чего значительная часть государственных расходов передавалась на места. Главным источником поступлений для их покрытия, разумеется, становилась деревня.

Применительно к Подмосковию резкое повышение сельхозналога также оправдывалось существенным приростом валовой продукции сельского хозяйства, составившим 7 713 тыс. руб., или 9 %²⁵. Это обстоятельство приобретало особую значимость на фоне засухи, поразившей зерносеющие районы юга и юго-восточной части европейской России, где традиционно уровень налогообложения крестьянского хозяйства был выше, нежели в губерниях Промышленного центра. К тому же, по убеждению, сложившемуся в партийном и советском руководстве подмосковного региона, увеличение тяжести налога здесь компенсировалось широким распространением среди сельского населения прибыльных промыслов, многие из которых не учитывались при налогообложении²⁶. Однако крестьянские семьи, имевшие солидный доход от такого рода деятельности, как правило, облагались, помимо сельскохозяйственного, промысловым налогом. В остальных же случаях промыслы имели подсобное значение и, по большому счету,

²³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 633. Л. 16.

²⁴ Московская деревня. 1924. 23 ноября.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 20.

²⁶ Там же. Оп. 84. Д. 834. Л. 49.

лишь затыкали дыры в бюджете маломощных крестьянских хозяйств, не давая им сколько-нибудь существенных излишков. При этом необходимо подчеркнуть, что огромное число сельских жителей утратило возможность получения неземледельческих заработков вследствие массовых сокращений на предприятиях Москвы и уездных городов, вызванных жестким ограничением бюджетного финансирования в 1924 г.

В сложившихся условиях основная масса крестьянства губернии отнеслась к увеличению налогового бремени с крайним раздражением. Недовольство экономической политикой государства, нараставшее в течение всего 1924 г., особенно обострилось к осени, когда началась налоговая кампания и произошел новый скачок цен на промышленные товары. Протест против чрезмерного налогообложения уже выражался не только в отказах принять окладные листы, но и в постановлениях волостных конференций, требовавших снижения налога на 50 %²⁷. Только официально было зарегистрировано 31214 жалоб на необоснованно завышенные размеры налогообложения. То есть их подали почти 10 % всех домохозяев. Причем, уездные исполкомы в подавляющем большинстве случаев (72 %) удовлетворили ходатайства об уменьшении налоговых платежей²⁸.

Опережающие темпы наращивания налогового бремени, усиление нагрузки на имущие категории хозяйств, рецидивы военно-коммунистических подходов в решении хозяйственных и политических вопросов способствовали нарастанию критики в адрес властей. Обострение социально-экономических проблем деревни привело к стремительной политизации ее населения. Повсеместно зазвучали требования «советов без коммунистов», создания крестьянского союза, перевыборов «снизу-доверху», пропорционального представительства в органах власти, общественного контроля над деятельностью исполкомов местных советов, а в ряде селений Дмитровского и Орехово-Зуевского уездов даже шли толки о своевременности созыва Учредительного собрания [5, с. 187]²⁹.

Радикализация настроений подмосковного крестьянства, насколько позволяют судить информационные сводки местных парткомов, в наибольшей степени была связана с протестами против несправедливого и необоснованного налогообложения, которое не соответствовало экономическому положению большинства сельхозпроизводителей [8, с. 67]. Осознание этого обстоятельства руководством страны обусловило кардинальную либерализацию аграрной политики под лозун-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 20.

²⁸ Рассчитано: Московская деревня. 1925. 1 января.

²⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 47. Л. 151; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 107. Л. 6, 86, 87, 116, 120, 127, 132 об.; [1, с. 10; 6, с. 13].

гом «лицом к деревне» и, в частности, беспрецедентное (более чем на 40 %) снижение сельскохозяйственного налога весной 1925 г. Впрочем, решение сократить тяжесть обложения вызрело в партийно-государственных верхах еще до начала налоговой кампании предыдущего года, в обстановке назревания политического конфликта во взаимоотношениях власти и населения нэповской деревни.

Литература

1. *Бауман К.И., Любимов И.Е.* Партия и оживление работы Советов. Стенограмма инструктивного доклада в МК РКП 3 марта 1925 г. М., 1925.
2. *Гуров П.Я.* Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1924 год. М., 1924.
3. *Дорофеев Я.* Деревня Московской губернии. М., 1923.
4. *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
5. Наше Отечество (Опыт политической истории). Ч. II / Ковалев С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И и др. М., 1991. Т. 2.
6. Неизвестная Россия. XX век. Кн. Четвертая / Гл. ред. В.А. Козлов. М., 1993.
7. Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства Советской власти. Сб. статей и материалов. М., 1920.
8. *Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.